

Памяти Лешека Колаковского

От редакции

23 октября 2017 г. исполнилось девяносто лет со дня рождения Лешека Колаковского — выдающегося польского и британского мыслителя современности. Если судить по сайтам Рунета, на эту дату в России откликнулся только В. Мануйлов — главный редактор газеты «Улица Московская» [Мануйлов б/г.]. Редакция нашего журнала тоже собиралась отметить эту дату, но по соображениям объёма тема не поместилась в предшествующий номер. Теоретическое и нравственно-политическое наследие Колаковского выходит за рамки любых юбилейных славословий и до сих пор актуально, хотя в России оно всерьёз не осмыслено [Кузнецова 2009]. Для движения в этом направлении помещаем две статьи философа, идеи которых позволяют извлечь уроки при обсуждении отношения между философией и идеологией. Благодарю М.С. Константинова, который раскопал эти тексты в недрах Интернета.

В.П. Макаренко

АКТУАЛЬНОЕ И НЕАКТУАЛЬНОЕ ПОНЯТИЕ МАРКСИЗМА

Лешек Колаковский

Спустя несколько дней после того, как Величайший Языковед Мира опубликовал в Газете свой труд с разоблачением ложной теории Марра, я попал в одном городе на совещание группы языковедов, посвящённое обсуждению этого события. Во время дискуссии один из ее участников позволил себе совершить весьма бестактный поступок: он вынул книжечку, вышедшую в свет несколько недель назад и написанную одним из присутствующих в зале языковедов, и зачитал из нее отрывок. В этом отрывке говорилось примерно следующее: совершенно очевидно, что в языкознании только теория Марра остаётся последовательной марксистско-ленинской теорией, что она одна строго следует принципам марксизма-ленинизма, что именно она — безотказный инструмент марксистско-ленинского изучения языка и т. д. Затем шутник достал экземпляр сегодняшней газеты и прочитал отрывки из статейки, написанной автором цитированной книжечки. Смысл статейки был таков: совершенно очевидно, что теория Марра не имеет ничего общего с марксизмом-ленинизмом, что она является грубой вульгаризацией марксизма-ленинизма, что марксистско-ленинская концепция языка должна решительно выступить против теории Марра и т. д. Как же так? — негодовал критик, — такая перемена взглядов за несколько недель? Хамелеон! Сконфуженный автор цитированных отрывков молчал, а участники собрания смеялись и веселились до того момента, когда выступил присутствующий на собрании партийный деятель, который разъяснил, что смеяться не следует, ибо каждый волен менять свои взгляды, и ничьего достоинства это не умаляет.

Когда я слушал эту дискуссию, сначала мне показалось, что прав критик, пристыдивший языковеда за его интеллектуальный оппортунизм и мало почтенную готовность к стре-

нительной перемене взглядов в зависимости от высказываний Величайшего Языковеда Мира. Лишь позже, намного позже я понял, что настоящим марксистом был пристыженный автор брошюры, а его критик доказал свое полное невежество. Ибо теория Марра — и тут мы касаемся сути вопроса, о котором собираемся говорить, — действительно была согласна с марксизмом за два дня до публикации Труда Великого Языковеда, и действительно не была согласна с марксизмом в тот день, когда Труд вышел из печати. А автор книжечки, если он был истинным марксистом, не только не имел оснований стыдиться, но мог бы и гордиться своей непоколебимой верностью принципам марксизма. Принципам? Быть может, это неудачная формулировка. Дело в том, что слово «марксизм» отнюдь не должно было означать какой-либо доктрины с определенным содержанием; оно означало доктрину, охарактеризованную лишь формально отношением к каждому отдельному декрету Безошибочного Учреждения, каким на определённом этапе был Величайший Языковед, Величайший философ, Величайший Экономист и Величайший Историк Мира.

Иными словами, «марксизм» стал понятием с содержанием, носящим характер не интеллектуальный, но характер правового института. Таков, кстати сказать, удел любой церковной доктрины. Точно так же слово «марксист» означает не человека, обладающего тем или иным мировоззрением определённого содержания, а человека, конкретная интеллектуальная позиция которого характеризуется готовностью принять любые свыше установленные взгляды. С этой точки зрения не имеет значения то, в чем заключается актуальное содержание марксизма, ибо марксистом становится тот, кто проявляет готовность каждый раз принять содержание, которое указывается Учреждением. Поэтому до февраля 1956 года марксистом (а значит и революционером, диалектиком, материалистом) был действительно только тот, кто, между прочим, считал, что кроме революционного насилия, не существует других средств строительства социализма; антимарксистом (а значит и реформистом, метафизиком, идеалистом) был тот, кто думал, что такие средства существуют. С февраля 1956 года, как известно, положение изменилось на обратное: марксист — только тот, кто признает возможность мирного перехода к социализму в некоторых странах. Кто в этих вопросах будет марксистом через год — трудно предугадать, но ведь не нам, а Учреждению предстоит решать эти вопросы.

Поскольку марксизм имеет не интеллектуальный, а правовой характер, настоящий марксист исповедует взгляды, содержания которых понимать не обязан. Марксист 1950 года знает, что теория наследственности Лысенко правильная, что Гегель был выразителем аристократической реакции на французскую революцию, что Достоевский насквозь прогнул, а Бабаевский — замечательный писатель, что Суворов был носителем прогресса, а также что резонансная теория в химии — реакционная бессмыслица; каждый марксист знает об этом, даже если он никогда не слышал о хромосомах, не знает, в каком веке жил Гегель, не читал ни одного романа Достоевского и никогда не читал учебника химии для средних школ. Все это излишне, ибо содержание марксизма устанавливается Учреждением.

Таким образом, понятие марксизма определялось очень точно и безошибочно, хотя это определение носило характер формальный, то есть лишь указывало, где следует искать актуальное содержание марксизма, а не давало этого содержания. В этом, как мы видим, состоит второе понятие марксизма в истории, ибо первое означало просто совокупность специфических взглядов и теорий Карла Маркса. Первое историческое понятие сохраняет свое значение и определённый смысл независимо от того, существуют ли марксисты, то есть последователи взглядов Карла Маркса. Иначе говоря, оно имеет значение аналогичное понятиям «картезианство», «платонизм» или «фрейдизм».

Следовательно, мы стоим перед вопросом: если концепция марксизма, содержание которого определяется текущими указаниями Учреждения, рухнула в сознании значительной

части интеллигенции, считавшей себя марксистской, сохранило ли какой-либо смысл само понятие марксизма? А если да, то каков этот смысл, кроме исторического, связанного с творчеством человека, давшего свое имя доктрине? Какой смысл имеют лозунги, требующие «развития марксизма», и какой смысл сохранило разделение на марксистов и немарксистов в науке?

В те времена, когда ещё не родилось Учреждение и связанное с ним понятие марксизма, ответ на эти вопросы не был столь сложным. Выдающиеся теоретики — русские революционеры, такие как Ленин, Троцкий или Бухарин, — анализируя, например, общественное положение в России и ее историю, пользовались понятийным аппаратом Маркса и прилагали его к ситуациям, которых сам Маркс никогда не анализировал; они оперировали марксистским понятием класса, которое было, несомненно, теоретическим нововведением и отличало эту доктрину от остальных, и с помощью этого понятия описывали соотношение сил в русском обществе. В этом случае известно, что подразумевается, когда говорят о развитии марксизма: речь идёт о применении метода и понятийного аппарата Маркса к новым объектам изучения. Предположим, однако, что возникают некие общественные процессы, по отношению к которым этот аппарат оказывается неадекватным. Ибо можно допускать его адекватность в условиях капиталистических обществ, которые так тщательно анализировал Маркс, а также соглашаться, что результаты проведённого с его помощью анализа верны, и в то же время считать, что понятийный аппарат непригоден для изучения новых некапиталистических обществ, в которых основные социальные деления должны рассматриваться с помощью новых понятий. (Этот вопрос рассматривает Станислав Оссовский в ещё не опубликованной книге «Концепции классовой структуры в общественном сознании», с которой я имел возможность познакомиться в рукописи). Может ли попытка создания такого нового аппарата называться «марксистской»? Она противоречит марксизму, а значит она — «немарксистская», если предположить, что понятийные категории, созданные Марксом, достаточны для описания и анализа всех социальных явлений, которые когда-либо могут появиться. Сам Маркс, разумеется, такого предположения не делал, — это оригинальный вклад его сталинских эпигонов. Если, однако, такая попытка не противоречит марксизму, становится ли она тем самым «марксистской»? Можно, скажем, условно предположить, что мы будем называть «марксизмом» все достижения науки и все установленные ею истины; но тогда пришлось бы утверждать, что все новые открытия астроботаники, каждая вновь исследованная физиологическая закономерность и каждая новая теорема в топологии — «марксистские». В таком (как иногда полагают) понимании смысл слова «марксизм» полностью выхолащивается, он становится излишним псевдонимом слова «истина» или «научное знание». Это, однако, псевдоним не только излишний, но и мистифицирующий — он исподволь намекает, что все человеческое знание развивается, вдохновляясь методом или благодаря помощи специфически характерного для научного творчества Карла Маркса и им сформулированного, а это явная неправда. Но все-таки, возвращаясь к приведённому примеру, если мы хотим построить новый понятийный аппарат, необходимый для анализа неизвестных Марксу типов общественности, мы также обратимся к определённому методологическому правилу, очень последовательно применяемому в работах Маркса, и более того, специфически отличающему Маркса хотя бы своей универсальностью и решительностью приложения: это правило требует при любом анализе общественной жизни искать то основное, что разделяет общество на антагонистичные группы. Может оказаться, что в некоторых общностях эти расслоения проходят согласно иным критериям, чем найденные Марксом для буржуазного мира XIX века, но сам факт обращения к этому очень общему правилу ведёт к тому, что исследователь становится на методологическую позицию, характерную для трудов Маркса, — и с

этой точки зрения можно было бы сказать, что он занимается именно «марксистской социологией».

Случается, однако, что прогресс знаний принуждает не только обогатить понятийный аппарат и арсенал исследовательского метода в отношении к творчеству Маркса, но и поставить под сомнение или пересмотреть какой-нибудь из конкретных тезисов, им провозглашённых. Сам Аппарат в свое время раскрыл неверность некоторых предпосылок Энгельса, касавшихся возникновения государства; Аппарат особенно не заботился об обосновании этой ревизии — согласно общим правилам своей деятельности — но для нашей дискуссии это факт второстепенного значения. Аппарат дезавуировал и тезис Маркса о невозможности создания социалистического общества в одной изолированной стране. Когда Сталин выступил со своей концепцией национального социализма в рамках одного государства, Троцкий в качестве ортодоксального и классического марксиста обвинял его в отходе от основ учения, а Сталин объявил антимарксистом Троцкого на том же основании. Мы не будем сейчас высказывать наши соображения о том, на чьей стороне была фактическая правота, проверенная историческим процессом. Легко, однако, заметить схоластическую бесплодность такого спора. Если мы утверждаем, как это делал Сталин, что международная обстановка со времён Маркса изменилась и что он сам рекомендовал анализировать перспективы социализма в зависимости от соотношения классовых сил в международном масштабе, то мы действительно обращаемся к способу мышления, применяемому Марксом. Но это способ настолько общий и свойственный всем, кто рационально рассматривает действительность, что он не составляет отличительной особенности «марксистского» мышления. Если, в свою очередь, мы утверждаем, подобно Ленину и Троцкому, что и в этом отношении анализ капитализма, проведённый Марксом, не потерял своей актуальности, мы обращаемся к специфическим свойствам метода и к конкретным результатам анализа Маркса. С такой точки зрения, если вторую позицию можно назвать марксистской, то первую (независимо от ее фактической правдивости или ложности) нельзя назвать ни специфически «марксистской», ни «немарксистской», — ибо, хотя она высказывает тезис, явно противоречащий результатам исследований Маркса, она делает это, обращаясь — законно или незаконно — к правилу, практиковавшемуся Марксом, хотя и не специфичному для его творчества. В других случаях возможно поставить под сомнение некоторые тезисы Маркса, употребляя методологические правила, не только им применявшиеся, но и для него характерные, и позволяющие назвать данный анализ «марксистским» в законном смысле этого слова.

Так мы подходим к формулировке нашей мысли. Творчество Маркса включает определённое количество важных черт, типичных, однако, не только для него и его последователей и не дающих оснований обособливать их в отдельное интеллектуальное направление. Черты эти — неумолимо рационалистическая направленность, чувство радикального критицизма, отвращение к сентиментальности при изучении общественных процессов, детерминистический метод. Те, кто не соблюдает этих правил (как это повсеместно и демонстративно делало большинство называвших себя марксистами по отношению к элементарным законам методологического рационализма), — вне всякого сомнения, не марксисты. (Зато они легко могут, как это имело место, компрометировать само понятие, неразрывно связывая его со своим способом мышления и деятельностью Аппарата, и вести к тому, что исследователи, использующие в своей работе ценности, внесённые в науку Марксом, стыдятся названия «марксист»). В свою очередь, те, кто следует правилам, о которых идёт речь, не становятся еще тем самым марксистами, ибо эти правила не составляют специфической особенности трудов Маркса.

В трудах этих есть, однако, ряд свойств, которые определяют оригинальность вклада Маркса в общественную науку. Это прежде всего — некоторые методологические правила,

позволяющие человеческому познанию эффективно овладевать общественным материалом. Сам принцип детерминизма, — а детерминизм становится более понятным, если осознать его как закон мышления, а не как метафизическую теорию, — несомненно, не является чем-то типичным лишь для Маркса; этот принцип не ограничивается утверждением, что «в одинаковых условиях происходят одинаковые явления», ни, тем более, что «все явления причинно обусловлены», — ибо определённый так, детерминизм становится общим местом, не поддающимся в этой форме проверке и довольно бесплодным в научных исследованиях. Этот принцип, говоря в самой общей форме, требует, чтобы, анализируя каждое явление, мы старались бы локализовать это явление в рамках зависимостей разного рода от других явлений, используя данные инструменты и данные задачи максимально исчерпывающим способом. Отличительной же чертой мышления Маркса была определённая спецификация закона детерминизма. Таковой являлась суть идеи исторического материализма: при генетическом анализе политических институтов и разных форм общественного сознания необходимо искать зависимости, связывающие их с социальным расслоением, выросшим из системы отношений собственности — и шире, производственных отношений, — а для этих расслоений исследовать их зависимость от технического прогресса. Такой закон, чтобы сохранить свою научную ценность, должен выражаться общей формулой. В высшей степени вредно, например, истолковывать этот закон как принцип, по которому основное классовое деление общества (где понятие «класс» имеет смысл, в каком его употреблял Маркс) однозначно и на протяжении всей человеческой истории детерминирует все другие деления общественных учреждений и духовной жизни общества. Для Маркса характерно, как мы упоминали, стремление установить главные, наиболее определяющие историческое развитие принципы деления общества. Его отличает сознание ограничений и извращений общественных наук под нажимом социальных условий, формирующих склад ума исследователей, и стремление к борьбе за ликвидацию идеологических мистификаций в науке. Мы и не подозревали, что надо будет со всей силой возобновить эту борьбу против доктрины, маскирующей его именем. Для Маркса специфичен определённый тип историзма, заключающийся не только в отходе от позиции морализаторства, владеющего вечными ценностями, не только в общем принципе исторической релятивизации изучаемых объектов, но и в убеждении, что человеческая природа — продукт истории человеческого общества, а весь получаемый нами образ мира — образ «общественно-субъективный». Это значит, что он — результат общественной деятельности, которая организует ткань действительности применимо к нуждам биологической и социальной ориентировки человека в мире, и запечатлевает в человеке таким образом сформированную действительность. Следовательно, весь внечеловеческий мир в этом смысле — производство человека. Наконец, специфична для Маркса практическая ориентировка общественных наук, а именно — подборка проблематики, детерминированной служением делу эгалитарного общества, делу уничтожения классовых перегородок и освобождения угнетённых и эксплуатируемых. Специфично убеждение в том, что в силу исторической закономерности капиталистическая экономика и политическое господство буржуазии неизбежно преобразуются в систему социалистических отношений и что это превращение будет реализовано в результате перехода власти в руки пролетариата, который со временем ликвидирует сам себя как класс и, вместе с тем, уничтожит вообще классы и государство как орудие классовой власти.

Таково перечисление — данное, разумеется, для примера — тех правил методологии и тех результатов анализа, которые в истории науки однозначно связаны с именем Маркса. Речь идёт исключительно о проблемах методологии общественных наук, ибо не возникло никакой специфически марксистской методологии, которая повлияла бы на развитие наук есте-

ственных (если не считать марксистской методологии в первом, «официальном» смысле, которая с успехом тормозила это развитие).

Легко заметить, что многие из приведённых правил прочно ассимилировались в общественных науках, причём в среде, абсолютно независимой от официального марксизма, а значит той, которую Аппарат считает немарксистской, буржуазной и пр. Много идей Маркса вошло в кровеносную систему научной жизни и потеряло тем самым свой специфический характер, отделявший Маркса и тех, кто считал себя ортодоксальными последователями его доктрины, от всех остальных. С их точки зрения, следовательно, разделение ученых на марксистов и немарксистов вообще потеряло смысл. Есть, однако, другие важные элементы марксовского метода, которые не распространились в такой мере и которые дают основание, хотя бы внешнее, оставить это разделение в силе. Но вопрос не так прост — и не по одной причине.

Во-первых, наиболее обиходное и укоренённое теперь в общественном сознании значение слова «марксизм» связывает его с интеллектуальной деятельностью, получившей печальную известность в социологии и философии; т. е. это слово употребляется в первом из рассматриваемых нами значений — в смысле официальном, связанном с работой Аппарата. Очевидно, что ни один материалистический философ или социолог, претендующий на научность, не хочет иметь ничего общего с марксизмом, понятым таким образом, ибо не любит подозрений в ханжестве. Даже если он в наивысшей степени вдохновляется в своей работе методом мышления, введённым в науку Марксом, он или чувствует нежелание характеризовать как марксизм свое мировоззрение, или вынужден в каждом отдельном случае тщательно разяснять смысл этого названия. Поэтому восстановление разделения на марксистов и немарксистов возможно лишь при условии, что в обществе укрепится другое, чем ныне, понимание марксизма. А эта возможность связана с определенным социальным фактом, ибо значение слов

— это социальный факт, которого нельзя произвольно сотворить одними заявлениями, что, дескать, сейчас мы собираемся заниматься «настоящим марксизмом», а до сих пор большинство марксистов было псевдомарксистами, марксистами в кавычках и т. д. (Между прочим, говоря об интеллектуальном сталинизме, я не стараюсь противопоставить его — в качестве некоего псевдомарксизма — какому-то подлинному марксизму; ибо сталинизм формировал общественно живучее понятие марксизма как явление, имеющее характер института, а не явление интеллектуальное; и это понятие успешно функционировало в реальной жизни. Мистификация состоит в употреблении имени Карла Маркса, давшего происхождение термину. Однако этимологические ассоциации со временем исчезают, а по меньшей мере ослабевают в сознании людей, пользующихся этим словом). Во-вторых, что более важно, в общественных науках развились разные понятийные категории, разные методические правила и разные (уже широко разработанные) разделы исследований, которые возникли независимо от существования и функционирования официального марксизма. Существуют, следовательно, целые области знания, по отношению к которым разделение на марксистов и немарксистов никогда не получало живого смысла, если понимать марксизм как явление интеллектуального порядка. Отсюда не следует, разумеется, что марксистскому методу нечего было бы сказать в этих областях. Если, например, социология общественного мнения развивалась почти вне сферы влияния марксистской традиции, то кажется весьма правдоподобным, что введение в ее состав основных категорий марксистского понятия класса могло бы открыть перед ней новые перспективы большого научного значения. Если логическая семантика пользовалась инструментами, абстрагирующими от социального аспекта значения слов, то марксистский метод анализа мог бы, по-видимому, немало внести в ее развитие. Во многих областях научных исследований, особенно в политической и экономической истории, а

также в истории разных отраслей культуры, завоевания Маркса сыграли огромную творческую роль, вопреки «официальному» марксизму. Было бы мрачным абсурдом на основании длительного существования этого марксизма требовать возвращения историографии к Ранке, истории литературы — к Калленбаху и истории философии — к Целлеру.

В-третьих, наконец, следует заметить, что оценка какой-либо доктрины, теории или исторической интерпретации как марксистской или немарксистской, если она, конечно, хочет иметь смысл, должна обращаться к самым общим методологическим предпосылкам, применяемым для конструкции такой доктрины или теории. Очевидно, что граница между «фактом» и «истолкованием», как и в естествознании, в общественных науках так же изменчива и не поддаётся точному обозначению. Тем не менее, именно здесь существует огромный запас знания, «фактический» характер которого не вызывает сомнений и характеристика которого как «марксистского» лишена смысла. С другой стороны, проблемы истолкования, как учит история науки, никогда не разрешаются окончательно. Доказательством служит очевидный факт, ставящий под сомнение примитивную веру в возможность достижения полной объективности в общественных науках. Факт состоит в том, что почти каждое поколение заново переписывает всю историю мира, и труд этот — что достойно особого внимания — очень часто удаётся. Значит, та же или приблизительно та же совокупность фактического знания позволяет конструировать большое число хорошо обоснованных и рационально оправданных, но радикально отличных друг от друга интерпретационных концепций. Стоит ли труда оценка таких концепций как марксистских? С точки зрения «официального» марксизма дело ясно: в 1945-м году единственная марксистская оценка Гегеля заключалась в утверждении, что Гегель был немецким шовинистом, апологетом войн, врагом славянских народов и предшественником фашизма; в 1954-м году — что он был выдающимся диалектиком-идеалистом, сыгравшим большую роль в формировании философии Маркса. С точки зрения интеллектуального марксизма дело обстоит несколько иначе. Не существует и никогда не будет существовать одна «истинно марксистская» интерпретация философии стоиков, одна, «единственно согласная с марксизмом», концепция поэзии Мицкевича и т. д. Можно говорить об истолковании философии стоиков при использовании общих правил марксистской исторической методологии, однако, при употреблении того же метода возможны разные результаты интерпретации, — ибо кажется химерой надежда на такое логарифмирование методологии общественных наук, чтобы она, наподобие арифмометра, давала на основе данного комплекса сведений одинаковый результат. Точно так же отнюдь не predetermined, что самое строгое применение этой методологии (а ведь и она не может исчерпать совокупность научных процедур, используемых для этой работы) должно привести именно к результатам, соответствующим отдельным замечаниям Фридриха Энгельса о стоицизме. Поэтому споры, в которых исследователи пытаются отобрать друг у друга козырь «истинного» марксизма и монополизировать для себя почётное звание «последовательного» марксиста, не что иное, как бесплодное пустословие. Можно спорить о том, лучше или хуже рассматриваемая теория отвечает правилам научного мышления, в состав которых входят существенные элементы метода, разработанного Марксом. Правила эти должны быть, однако, довольно общими. Во всяком случае, они не включают никаких детальных инструкций, касающихся оценки того или иного исторического явления. К тому же они всегда допускают разные возможные истолкования: сам закон исторического материализма отнюдь не predetermined, силы или степени однозначного воздействия, которое совокупность материальных условий жизни во всех исторических эпохах оказывает на общественное мышление человека. Тем более закон не predetermined и того, что, например, философию Паскаля следует рассматривать как проявление упадочнических тенденций, потерявших влияние феодалов или как отображение буржуазной мысли или ещё как-нибудь иначе. В социологических, а тем более философских

исследованиях едва ли найдётся хоть один идеально однозначный термин. Но семантическую изменчивость терминологии наследуют все, даже самые фундаментальные тезисы доктрины, ни один из которых нельзя признать однозначным. Если не ясны такие выражения, как «материя», «общественное сознание», «познание», «надстройка», «причинная обусловленность», «производственные отношения» и т. д., то никакой методологический закон, никакой вещественный тезис, в которых эти выражения участвуют, не имеет отчётливого смысла. Поэтому то, что мы называем марксизмом, понимая под этим интеллектуальную функцию и метод мышления, может иметь содержание очень разное, обозначенное лишь очень общими рамками. Мы знаем, например, что было бы трудно заниматься марксистской ангелологией и что историософию Боссюэ нельзя представить как марксистскую. Это знание, однако, не приносит пользы, ибо мы употребляем слово «марксизм» не для того, чтобы противопоставлять научное мышление упорному иррационализму теологов. Но в сфере науки, где разные образы мышления и разные типы методологии с успехом могут сосуществовать и конкурировать, граница между марксизмом и немарксизмом необычайно текуча. Принимая во внимание хотя бы два упомянутых обстоятельства — (недостаточность построенных Марксом правил для современной научной работы и их неоднозначность, а также шаткость границ их действительности), мы без труда понимаем, что иначе не может быть. Говорить о каком-то марксистском «сплочённом и едином лагере», резко противостоящем остальному миру, определяющем линию раздела в науке, провозглашать лозунги «чистоты» марксистской доктрины — не имеет никакого смысла на почве интеллектуально понимаемого марксизма. Все это может быть полезным лишь с точки зрения марксизма, рассматриваемого как явление политическое или религиозное, но не научное. Когда же надо решиться на шаг, (наподобие сделанного в 13-ом веке аверроистами по отношению к ортодоксальной религии — на отделение науки от веры) в условиях, когда политическая тактика будет все больше утрачивать способность к разрушительному давлению на содержание научного знания, — «марксистский лагерь» в науке станет все явственнее приобретать свойства эфирного тела из свинцовой глыбы, каким оно некогда и было. Традиция старого жёсткого разделения на марксистов и немарксистов, разумеется, отнюдь не угасла и, несомненно, будет оказывать нажим на научную жизнь и в той среде, где официальный марксизм успел омертветь и компрометировать себя в общественном сознании. Но так же не подлежит сомнению, что натиск этой традиции будет ослабевать по мере вытеснения официального марксизма за пределы науки.

Отсюда вовсе не следует, что в науках гуманитарных, то есть подвергающихся самому сильному влиянию тех общественных условий, в которых они развиваются, всякого рода деления мировоззренческого характера перестали существовать. Самое важное из них, однако, не деление на ортодоксальных марксистов, главная забота которых — сохранение чистоты доктрины от примеси языческой крови, и на всех остальных. Условно употребляя политический язык, скажем, что самым важным является деление на гуманитарное левое и правое крыло. Это деление характеризуется в очень общем смысле даже не конкретным исследовательским методом, а скорее интеллектуальной позицией. Под интеллектуальным левым крылом в гуманитарных науках мы понимаем умственную деятельность, которая отличается радикальным рационализмом мысли, решительностью в борьбе с какими-либо формами вторжения мифологии в научную работу, безусловно материалистическим пониманием мира, критицизмом, не знающим границ, недоверием к построению замкнутых доктрин и систем, стремлением к открытому мышлению, то есть готовностью к пересмотру принятых тезисов, теорий и методов и высокой оценкой научного новаторства, терпимостью к другим позициям в науке и в то же время готовностью к войне — даже войне наступательной — против всякого рода иррационализма; а кроме того — убеждением в познавательной ценности наук и в

возможностях социального прогресса. И это деление, как всякие деления, отнюдь не вырисовывается четко, наподобие границ между государствами. Но мне кажется, что оно — несравнимо точнее традиционного деления существующего в традиционном марксистском лагере. Там, где такая позиция существует, она, несомненно, позволяет сохранить и упрочить в научном мышлении все ценности, внесённые в науку трудами Карла Маркса, — ценности, значение которых для гуманитарных наук трудно переоценить. Такая позиция позволяет также выявить в доктрине Маркса разные неактуальные темы и поспешные обобщения, несостоятельность которых доказало историческое развитие. Ибо в наши дни стало ясно, что многие мысли Маркса, прежде всего, в сфере предвидений дальнейшего хода истории, не выдержали — как большинство предсказаний — безжалостного испытания жизнью и сохранили, подобно утопиям, ценность скорее морального стимула, чем научной теории.

Кроме того, можно предполагать, что по мере совершенствования исследовательского аппарата гуманитарных наук понятие марксизма как отдельного направления будет в этих науках постепенно стираться и со временем совершенно исчезнет, как исчезли понятия «ньютонизма» в физике, «линнеизма» в ботанике, «гарвеизма» в физиологии или «гауссизма» в математике. Это будет означать, что стихийный процесс развития науки ассимилировал все научно ценные достижения Маркса, ограничивая, несомненно, сферу применения одних тезисов, уточняя другие, исключая третьи. В этом, впрочем, и заключается победа великого учёного — его завоеваниями перестаёт владеть лишь отдельное направление мышления; они врастают в ткань научной жизни и становятся ее неотъемлемой частью, утрачивая самостоятельное существование. Такой процесс, разумеется, проходит иначе, гораздо медленнее в гуманитарных науках, но и в них является подлинным элементом прогресса.

Иначе дело обстоит в области философии, понятой как дискурсивное выражение мировоззрения. Здесь имена великих творцов целые века остаются живыми в названиях направлений или тенденций, — они меняют, однако, свое значение. Если мы пользуемся словом «платонизм» для обозначения каких-то современных тенденций в философии, мы не подразумеваем под ним ортодоксальных последователей доктрины Платона, которых не существует. «Платонизм» в приложении к современной ситуации в философии означает лишь более или менее отдалённое родство с тем, что сохранилось из мысли Платона как ее самая характерная и отличительная составная часть: с верой в первичность видов по отношению к индивидуумам или с верой в двоякое существование предметов — с одной стороны, чувственное и изменчивое, с другой, — неизменное и недоступное непосредственному наблюдению. В истории мировоззрений, в которой лишь временно можно себе представить полную атрофию многодоктринальности и окаменелую монополию одной системы, несомненно, сохраняются термины, происходящие от имён тех, кто ввёл в философскую мысль особенно новые и новаторские перспективы или же особенно распространённые точки зрения. Термин «марксизм» в таком понимании не обозначает никакой доктрины, которую можно лишь целиком принять или отбросить, а живучую мысль, рождающую в философии особую манеру видеть мир, импульс, постоянно действующий в общественном разуме и общественной памяти человечества, обязанный своей живучестью новым и всегда ценным точкам зрения, данным нашему разуму, — точкам зрения, которые позволяют нам смотреть на человеческие дела сквозь призму великой истории; наблюдать процесс формирования общественной сущности человека в зависимости от его борьбы с природой и вместе с тем видеть процесс очеловечивания природы в человеческом труде; понимать мышление как продукт практической деятельности; разоблачать мифологии сознания как результат непрерывно возобновляющегося отчуждения общественной жизни и сводить их к подлинным источникам; анализировать общественную жизнь в ее непрерывных конфликтах и схватках, которые через бесконечную массу единичных стремлений и желаний, единичных страданий и разочарований, единичных по-

ражений и побед все-таки укладываются в панораму единой эволюции, о которой позволено сказать, что в великом историческом масштабе она означает не упадок, а прогресс.

Кузнецова Т. 2009. Памяти Лешека Колаковского. — *Полит.ру*. — 13 августа. — Доступно: <http://polit.ru/article/2009/08/13/kolakowski/>. — Проверено: 12.02.2018.

Мануйлов В. б/г. Памяти Лешека Колаковского, или похвала непоследовательности. — *Улица Московская*. — Доступно: http://www.ym-penza.ru/index.php?option=com_k2&view=item&id=3970:памуати-lesheka-kolakovskogo-ili-pokhvala-neposledovatelnosti&Itemid=263. — Проверено: 12.02.2018.